

DOI 10.18522/2415-8852-2025-2-7-16

**«ОН БЫЛ НАСТОЯЩИЙ ПЕДАГОГ,
КОТОРЫЙ БУКВАЛЬНО “СТАВИЛ ПОЗВОНОЧНИК”:
ФОРМИРОВАЛ ОСАНКУ, И В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ,
И В ЛИЧНОСТНОМ СМЫСЛЕ»**



Этот номер “PI”, посвященный теме наставников в науке, мы открываем разговором с доктором филологических наук Еленой Юрьевной Козьминой о научном и педагогическом феномене Натана Давидовича Тмарченко, его «диалоге», «хронотопе» и значимом «Другом». Беседовала Екатерина Максимова.

Елена Юрьевна, наш номер посвящен наставничеству, и мы хотим поговорить с вами о Натане Давидовиче Тмарченко, который сочетал в себе будто несовместимые ипостаси кабинетного ученого и педагога сократического типа. В чем вы видите разгадку такого феномена?

Масштабная личность не терпит «готового прочтения», но, если все-таки попытаться ответить на вопрос, то это – склонность к живому обсуждению Натаном Давидовичем вопросов поэтики художественного текста. Поэтика (а также и история литературы) не была для Тмарченко умозрительной моделью, это, скорей, поиски стратегий и инструментов, эффективных для понимания текста. Нынешним студентам кажется удивительным, что дисциплины «Анализ художественного текста» в университетских программах филологических факультетов долгое время не существовало. То же самое с теоретической поэтикой, у нее тяжелая судьба. Уже к концу 1920-х годов поэтика стала неудобной дисциплиной. Так вот, я не сильно преувеличу, если скажу, что Натан Давидович был среди тех людей, которые вернули нам поэтику. А главным его учителем был, конечно, Бахтин.

Всякий, кто читал и слышал Натана Давидовича Тмарченко, не мог не

ощущать соприсутствия бахтинской мысли в научном освоении больших и малых художественных ландшафтов. Для Тмарченко Бахтин был «духовным отцом»?

Бахтин, я думаю, прошел через всю его жизнь, и последняя книга Тмарченко тоже посвящена Бахтину – это «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция» (2011). Натан Давидович мог стать аспирантом Бахтина, но не сложилось. Известно только, что Бахтин читал работы молодого Тмарченко и хорошо о них отзывался. А Натан Давидович навсегда остался последователем Бахтина и абсолютно диалогическим человеком. Многие свои идеи он разрабатывал в процессе общения, проговаривания: в процессе подготовки и чтения лекций, в общении с учениками. Не думаю, что он мыслил себя без Другого, без голоса и слова Другого.

Но ведь для симпозиона или, говоря словами Цветана Тодорова, симфилософии с симпоэзией нужно место встречи с Другим и Другими. Где оно в судьбе Тмарченко?

Представьте, 1970-е годы, три тысячи километров от Москвы, в шахтерском сибирском городе происходит то, чего не могло тогда произойти в столицах. В Кемеровском

государственном университете складывается прогрессивная научная школа, возрождавшая традиции теоретической и исторической поэтики, которые фактически иссякли к этому времени в нашей стране.

Вышло так, что после защиты кандидатской диссертации в Ленинградском пединституте Натан Давидович приехал в Кемерово, и здесь он вместе с В.И. Тюпой, М.Н. Дарвиным, В.В. Федоровым, М.Ю. Лучниковым создал настоящую научную школу. Кафедра русской и зарубежной литературы в Кемеровском государственном университете стала площадкой интеллектуальных открытий. Из кемеровской школы теоретической поэтики вышли ученики Тamarченко – С.П. и И.А. Лавлинские, О.Д. Корзухин, Л.Ю. Фуксон. По сути, кемеровской школе пришлось утверждать новый статус поэтики. Ученые этой школы (вместе с другими исследователями) выпустят первый в России энциклопедический словарь по поэтике – «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий», переиздадут «Теорию литературы. Поэтику» Томашевского с замечательными комментариями Тamarченко и Бройтмана.

Кемеровская школа теоретической поэтики основывалась на идеях Бахтина, но это была не просто трансляция концепции, это был диалог с его научной позицией. Бахтин так устроен, что его нельзя просто «усвоить», ему можно только ответить с позиции Другого. Вот кемеровские ученые и «отвечали»:

занимались проблемами художественности литературного произведения, жанра, чтения, модусами художественности, категориями автора, героя, читателя, повествования, коммуникативным аспектом художественного произведения, проблемой гротескного субъекта.

В 1991 году Тamarченко уехал из Кемерово и возглавил кафедру теоретической и исторической поэтики в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. Позже на кафедру придут М.Н. Дарвин, В.И. Тюпа, кемеровский ученик Тamarченко С.П. Лавлинский, а в Кемерово научное дело Тamarченко продолжат М.Ю. Лучников, О.Д. Корзухин, Л.Ю. Фуксон, Ю.В. Подковырин, А.М. Павлов, О.В. Дрейфельд. По сути, тогда кемеровская школа поэтики разделится на два географических центра.

После переезда в Москву Натан Давидович сосредоточился на изучении «самого бахтинского» жанра – романа. Но круг его научных интересов был, конечно, гораздо шире. Так, например, он замечательно описал инварианты средних эпических жанров. В отличие от традиционного подхода, где рассказ, повесть и новелла различаются «количественно», Тamarченко в своих работах показал, что их жанровые отличия гораздо глубже и интереснее. Повесть рассказывает читателю о закономерностях мироустройства, она основана на циклическом сюжете, связана с событием испытания героя, его нравственного выбора, сохраняет черты притчи. Новелла,

напротив, варьирует кумулятивную сюжетную схему, когда события нанизываются и приводят к катастрофе (не всегда веселой, как в сказках), новелла сохраняет традиции анекдота, она демонстрирует игру случая в эмпирической реальности. Рассказ же содержит две взаимоисключающие стратегии – анекдота и притчи, это неканонический, более поздний и более сложный жанр.

В сложном жанровом рисунке повествования вашей жизни Тамарченко – один из главных героев?

Конечно. Мое знакомство с Натаном Давидовичем – это настоящий авантюрный роман. Все началось с объявления об услугах психолога, которое я, тогда человек на перепутье, увидела на улице. Окончив Уральский университет, в аспирантуру я не пошла, с профессиональной карьерой все было непонятно, в семейной жизни кризис, в стране перестройка. Прихожу к психологу, рассказываю о себе. Психолог начинает расспрашивать о моей работе. Я рассказала, какие курсы веду в педколледже, а она поделилась своим восторгом от нового культурологического лицея. Я – в лицей, директор мне говорит: «Если вы сегодня вечером полетите в Москву на курсы по развивающему обучению, мы вас берем». Конечно, я полетела. В Москве нас поселили так, что я все время опаздывала, и вот однажды че-

рез приоткрытую дверь я впервые услышала голос Дины Махмудовны Магомедовой, разбирающей со слушателями поэтические тексты. Я мгновенно устребилась в аудиторию и вместо занятий по развивающему обучению стала посещать курс Дины Махмудовны. Видимо, мой восторг был таким искренним, что Дина Махмудовна, посмотрев на меня и послушав, сразу вручила несколько книг – почитать во время командировки. Среди прочих там была лотмановская «Структура художественного текста». За все время учебы в университете я не часто слышала имя Лотмана и всего раз – Бахтина. А потом на курсы пришел сам Натан Давидович. Вместе с Людмилой Евгеньевной Стрельцовой он разработал программу по литературе для школ, и они рассказали о своей программе. Я вернулась домой в Екатеринбург с твердым убеждением уговорить директора лицея перейти на программу Стрельцовой и Тамарченко. Директор убедился и по законам авантюрного жанра через некоторое время стал моим мужем. Мы начали вести занятия в лицее по этой программе и каждый год приглашали Натана Давидовича к нам в Екатеринбург для обучения преподавателей.

Расскажите, как это было. Методику преподавания в вузе часто недолюбливают из-за отбивающей «всякую охоту до знания» формализации.

Это так, методика школьного обучения в советское время – это один из самых непонятных предметов. Но Натан Давидович, человек систематического ума, не терпел душающей жизнь формализации. Он вообще умел видеть структуру текста, мне кажется, даже без каких-то особых методик, у него был просто рентгеновский взгляд. И когда слушатели его просили «а расскажите еще про...» и дальше называли любой текст вне программы – он всегда соглашался сходу, без всякой подготовки. Помню, он приехал в Екатеринбург, остановился у нас дома и взялся помогать моей дочери, тогда школьнице, с домашним заданием: нужно было разобрать стихотворение Тютчева. Это был идеальный мастер-класс точного, глубокого, вдохновляющего своей доступностью анализа текста.

Натан Давидович как будто очень легко порождает идеи и возбуждал в учениках исследовательский энтузиазм. Так, рассказывая про свою литературную программу, он как-то упомянул, что в седьмом классе предполагается изучение фантастики и что об антиутопии много писали, но именно о жанре, о структуре антиутопии в научном смысле, подробно еще никто не написал. Я сказала: «Тогда я напишу». Так появилась мысль о моей кандидатской диссертации. Не могу сказать, что это было просто. РГГУ, куда я поступила в аспирантуру, в то время был, пожалуй, самым престижным вузом.

А я только тогда узнала о существовании таких понятий, как «теоретическая поэтика» и «историческая поэтика»; нам же этого не преподавали. Пришлось учить все заново. Натан Давидович прислал мне по почте еще «горячий», буквально только из печати, учебник Самсона Наумовича Бройтмана по исторической поэтике, который я прочитала как детектив – оторваться было невозможно.

Вспоминая о метафоре образования как фундамента, можно ли определить, в какой степени и в какой сфере влияние Тамарченко оказалось формирующим для вас как профессионала?

Это влияние ощущается во всем: и в научном фундаменте, и в человеческом.

Думаю, главное все же в том способе, каким я сейчас работаю со студентами. Это практически прямой перенос того, что делал Натан Давидович. Еще это его подход к проблеме научного письма. Он всегда повторял: «Вы должны писать, объясняя, что делаете. Ваш текст не должен быть изложением темы, он должен быть рефлексией, пояснением своих действий и их смысла».

В этом смысле один из лучших текстов Тамарченко – «Русская повесть Серебряного века. Проблемы поэтики сюжета и жанра», я читаю ее постоянно, моя книжка скоро рассыплется. Там в предисловии и во введении автор как будто ведет диалог с воображае-

мым читателем: читатель может спросить – а мы ответим; читатель может удивиться – а мы тогда на это возразим, и так далее.

Мы вели бесконечные терминологические разговоры о том, что такое эстетический объект, в чем разница между композицией и архитектуроникой. И, конечно, когда я чего-то не понимала у Бахтина, я спрашивала у Натана Давидовича, и мы вместе разбирались. Хотя, конечно, «вместе» – это громко сказано: у него уже все было «разобрано», он просто направлял меня, помогал идти по этим дорогам. Но, что удивительно, когда он потом опубликовал свою книгу, я увидела там многие направления наших разговоров. Конечно, дело не в том, что я у него спрашивала, у него все это уже давно было сформулировано, просто мы выделяли именно эти участки пути.

Дополнялось ли понимание терминологии Бахтина глубокой верой мастера в его «метафизику»?

Метафизические разговоры возникали чаще тогда, когда мы обсуждали фигуру автора-творца. Бахтинское представление об авторе и позиции «внеаходимости», о природе творчества невольно наталкивает на размышления неатеистического характера.

Да, мы это бесконечно обсуждали. Говорю и представляю, как мы сидим на той самой кухне за столом, в окружении книжных шка-

фов и говорим на самые волнующие и самые интересные в мире темы!

В таком ключе Натан Давидович работал и с текстами Достоевского. У него была интересная концепция. Он ввел в литературоведение понятие «эпическая ситуация», отличая его от конфликта. В конфликте есть две противоположные силы, которые обязательно сталкиваются: кто-то побеждает, кто-то проигрывает. Но в эпике эти силы существуют одновременно, между ними постоянно сохраняется напряжение, питающее ход событий, но прямого столкновения не происходит. У Достоевского он видел именно такое противостояние – дьявольской и божественной сил в душе героя, его стремления к людям и отторжения от них («Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту»). Раскольников все время оказывается между этими полюсами: вот он из сострадания и желания помочь дает двадцать копеек на извозчика, чтобы тот отвез пьяную девочку домой, но вот что-то переворачивается в его душе, и он уже говорит: «Да пусть их переглотают друг друга живьем – мне-то чего?» И жалеет о двадцати копейках.

Насколько требователен к ученикам был великодушный Тamarченко?

Натан Давидович удивительным образом сочетал в себе ипостаси ученого и настав-

ника, так бывает нечасто. Есть выдающиеся ученые, которые при этом совершенно не умеют учить. А есть отличные учителя, которые как ученые не состоялись. Здесь же все совпало. Он был настоящий педагог, который буквально «ставил позвоночник»: формировал осанку, и в профессиональном, и в личностном смысле. Такой хребет определяется и принадлежностью к научной школе, и просто человеческой позицией: не позволяет прогибаться, приспособливаться к какому-то мнению, но при этом позволяет оставаться чутким к другим людям и идеям.

Ученики Тамарченко называли его мастером дружеских пинков, иногда весьма ощутимых. У меня есть одна страшная история про это. Я приехала в Москву, чтобы обсудить главу своей кандидатской о романе-антиутопии. С Замятинным у меня все получалось прекрасно, а вот глава, посвященная «Приглашению на казнь» Набокова, никак мне не давалась. Как обычно, я остановилась в доме Тамарченко. Вечером Натан Давидович начал читать, внешне он оставался вежливым, но по тону его комментариев было совершенно ясно, что он в ярости, что это полный провал: «Как вы могли это написать? А вот это как вы могли написать?» Бессонная ночь, завтрак в полной тишине, потом Натан Давидович и Дина Махмудовна уехали в университет, а меня усадили за компьютер переписывать главу. От ужаса каким-то образом мне удалось собраться и написать но-

вый текст. Вердикт Тамарченко – «очень тонко написано» – был тем счастьем, о котором нельзя было и мечтать.

Еще одна особенность Натана Давидовича: он умел создавать среди своих учеников, даже если они не были знакомы друг с другом, такую атмосферу, что мы чувствовали себя птенцами одного гнезда. До сих пор мы дружим. В разное время окончили аспирантуру, в разное время защитились, но ощущение такое, будто мы родственники.

Сохранился ли в вашей научной жизни дух того самого авантюрного романа, с которого все началось?

Я продолжаю заниматься авантюрной литературой или такой, где есть авантюрная линия. Сейчас меня интересует творчество современного польского писателя Ежи Соновского, по роману которого «Апокриф Аглаи» мы выпустили целый сборник статей. Роман “Tak to ten” («Да, это он»), к сожалению, еще не переведен на русский язык. Сразу несколько сюжетных линий (часть которых – вполне авантюрные) в нем разворачиваются в совершенно разных хронотопах, создавая ощущение калейдоскопичности, ибо отдельные фрагменты все же складываются в общий узор. Герои договариваются друг с другом о встрече, все приходит на площадь, но встретиться не могут. Каждый оказывается в нужном месте, но почему-то они

не пересекаются. В этом проявляется разноравность их бытия. Но вот старушка роняет хозяйственную сумку, из нее высыпаются мандарины, они катятся по площади, и каждый из персонажей поднимает одну из этих мандаринок, и все как будто объединяются. Мистическая и человеческая связь существует. Как в динамично меняющихся узорах калейдоскопа все разьединено, разграничено, но в то же время связано.

С Бахтиным ли, с Достоевским ли, с Тамарченко, каждый из нас знает, что нет никакой смерти идей, все они продолжают в Другом, в вечном диалоге...

Расскажу про нашу последнюю встречу. Я приехала в Москву на конференцию. Вечером, как обычно, зашла к Натану Давидовичу и Дине Махмудовне, и он заговорил о моей

докторской. «Леночка, а почему вы ничего не записываете?» – «Натан Давидович, я диссертацию писать не буду». И тут он сухо говорит: «Нет, будете». Моих возражений он не слушал и продолжал набрасывать идеи. Так мы провели два вечера. Потом он проводил меня до метро, неожиданно пылко обнял: «Когда вы напишете план-проспект диссертации?» – «Ну, давайте, к Новому году», – отвечаю, а про себя думаю: потяну-потяну, может, он забудет. Через две недели его не стало. И тогда я поняла, что он взял с меня слово. Я написала и защитила докторскую. Конечно, она получилась другой, не такой, как мы обсуждали тогда, но без этих обсуждений ничего бы не было.

Я не знала о его болезни. А он до последнего занимался работой, успел дописать и опубликовать свою книгу о Бахтине. И ушел. Хотя на самом деле никуда не ушел, пока мы говорим о нем.

Для цитирования: Козьмина, Е.Ю., Максимова, Е.С. «Он был настоящий педагог, который буквально “ставил позвоночник”: формировал осанку, и в профессиональном, и в личностном смысле» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 2. С. 7–16. DOI 10.18522/2415-8852-2025-2-7-16

For citation: Kozmina, E., Yu., Maksimova, E.S. (2025). “He was a real teacher who literally ‘fixed the spine’: he shaped posture, both professionally and personally”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (2), 7–16. DOI 10.18522/2415-8852-2025-2-7-16

In this issue of P&I, dedicated to the topic of intellectual mentors, we will talk with Doctor of Philology Elena Yurievna Kozmina about the phenomenon of Nathan Davidovich Tamarchenko, his 'dialogue', his 'chronotope', and his significant 'Other'. Interview by Ekaterina Maksimova.

